

Наталья Трауберг
Голос черепахи (сборник)

«Библейско-богословский институт святого апостола Андрея»

2009

Трауберг Н. Л.

Голос черепахи (сборник) / Н. Л. Трауберг — «Библейско-богословский институт святого апостола Андрея», 2009

ISBN 978-5-457-73267-4

В сборник вошли статьи, эссе и переводы, сделанные Н. Л. Трауберг специально для журнала «Страницы: богословие, культура, образование», издаваемого Библейско-богословским институтом св. апостола Андрея. Наталья Леонидовна стояла у истоков этого журнала и у основания института, читала в нем лекции, работала над изданием книг. Всю свою жизнь она отдала переводу, хотя называла свою профессию «переписчик», потому что считала, что переводить книги нужно с учетом российской ментальности и особенностей русского языка, при этом она умела сохранить и красоту оригинала. В искусстве перевода ей не было равных. Но и ее оригинальные произведения не менее интересны, чем переводы. Они небольшие, но емкие, метафоричные, иногда парадоксальные, заставляющие читателя по-новому взглянуть на привычные вещи и узреть подлинный смысл явлений. Некоторые из вошедших в сборник произведений нигде кроме «Страниц» не публиковались.

ISBN 978-5-457-73267-4

© Трауберг Н. Л., 2009
© Библейско-богословский институт
святого апостола Андрея, 2009

Содержание

Глава I	9
Профессия – переписчик[1]	9
Королевский злодей[2]	11
Только детские книги[3]	13
Глава II	15
Неизвестный Честертон[5]	15
О Малькольме Маггридже	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Трауберг
Голос черепахи
Сборник

Издательство ББИ благодарит Викторю Ивлеву за любезно предоставленное фото

*Цветы показались на земле,
время пения настало,
и голос горлицы слышен в стране нашей.*

Песнь песней 2, 12

В этот сборник, которым Библейско-богословский институт св. апостола Андрея отдает дань памяти Наталье Леонидовне Трауберг, дорогому для нас человеку, вошли статьи, эссе и переводы, сделанные ею специально для нашего журнала «Страницы: богословие, культура, образование». Наталья Леонидовна стояла у истоков этого журнала, ласково называла его «Странички», входила в его редколлегию и редколлегию альманаха «Мира Библии», писала и переводила, предлагала авторов, горячо принимала участие в обсуждениях номеров, как переводчик и редактор работала над изданием многих книг ББИ. Наталья Леонидовна стояла и у истоков института, можно сказать, она была нашей крестной, именно она подсказала имя апостола Андрея как святого покровителя ББИ. Да и вообще, многое в институте не могло свершиться без нее, Наталья Леонидовна была и, надеемся, остается ангелом хранителем нашего института.

Многие годы она читала в ББИ курсы «Английская христианская литература» и «Основы литературного перевода и редактирования», ее лекции всегда были праздником, подлинным «пиршеством духа», открытием новых миров и откровением о нас самих. И о чем бы она ни говорила – о Честертоне или короле Артуре, Шекспире или Юлиании Норичской, Вудхаусе или св. Патрике – она умела показать и их, и нас в свете Евангелия. Одним парадоксальным словом она могла разрешить труднейший конфликт, одной афористичной фразой опрокинуть прочно устоявшееся заблуждение, в записке, написанной микроскопическим почерком (она писала их во время конференций, докладов, слушая собеседника), выразить всю мудрость мира. Вообще в ней был какой-то секрет, тайна бесконечного обаяния, выражавшаяся одновременно в глубинной мудрости и детской простоте. Часто, как бы невзначай, с королевской щедростью и простодушным смирением она изрекла свои парадоксальные мудрые сентенции, приговаривая: «да это и коту понятно». Это было одно из любимых ее выражений. Но мы, видимо, были не столь понятливы как кот, а потому готовы были слушать вновь и вновь ее лекции и беседы, без конца перечитывать ее переводы и эссе. Кстати, кошек она считала райскими животными, и они, действительно, оказывались мудрее иных человек. Не случайно, председателем Честертоновского общества, как известно, был избран ее кот Кеша.

Наталья Леонидовна Трауберг посвятила себя особому виду служения – переводу, хотя сама называла свою профессию «переписчик», считая, что тексты, написанные на английском, испанском или каком-то другом языке, возможно переводить только с учетом специфики русского языка, российской ментальности и особенностей нашего читателя, при этом она как никто умела сохранить и передать всю красоту оригинала. В искусстве перевода ей не было равных. Недаром англичане шутят, что Честертон в переводах Трауберг гораздо интереснее, чем в подлиннике.

Перевод она выбрала именно потому, что видела в нем ремесло, смиренное ремесло, в котором мало места для самовыражения, переводчик как бы скрывается за автором. Он – лишь эхо автора, только его голос. Но именно Наталья Леонидовна Трауберг доказала, что ремесло может быть высочайшим искусством, что голос – это чуткий музыкальный инструмент, который может быть послушен Духу. Она переводила многих английских, испанских, американских, португальских и прочих авторов, но, конечно, сердце ее было отдано англи-

чанам, а среди англичан – Честертону и Вудхаусу, которых она считала истинно райскими писателями.

«Голос черепахи» – это еще одно из любимых выражений Натальи Леонидовны. С ее легкой руки оно стало символом нелепого перевода, когда переводчик, не слишком чуткий к слову, но полный амбиций, промахивается и попадает мимо цели. Так некто, не распознав в тексте цитату из Песни песней, распространенное в библейской поэтике выражение «голос горлицы» перевел как «голос черепахи». Эта двойная нелепость (черепахи вообще не имеют голоса и уж точно не поют!) стала излюбленной метафорой во всех наших разговорах о переводе.

Голос самой Натальи Леонидовны был сродни голосу горлицы – он возвещал время пения, время рая; она говорила тихо, скороговоркой, почти лепетала или, скорее, журчала, но это журчание обладали мощной силой духовного воздействия. К ее слову прислушивались многие. Она была камертоном, не дающим сфальшивить. При этом никогда не стремилась стать учителем и всячески избегала пафоса, не любила выделяться, не выносила яркости, броскости, вычурности. Казалось, из всей палитры Наталья Леонидовна выбирала серый цвет, но, как она писала, это было «любимое Честертоном “сияние серого цвета”, в котором лучше всего видны камни Нового Иерусалима».

Ирина Языкова

Глава I

Профессия – переписчик

Профессия – переписчик¹

Наверное, многие подумают: «Это называется рирайтер» – и ошибутся. Так называется не «это», а что-то значительно более логичное. Какой-то человек, разбирающийся в своем непосредственном деле, коряво говорит или пишет. Другой придает его речи внятность, а то и блеск. В пределе – Моисей и Аарон.

Переписчик – совсем другое, странное, новое занятие. Берешь текст, полный ошибок, особенно – связанных с реалиями; синтаксически – рыхлый, если не хуже; лексически – насыщенный иностранными словами, а то и чем-то вроде фени. Смотришь на оригинал, сначала надеешься править, потом, махнув рукой, переводишь... С той помехой, что права на ошибку уже нет, себя править негде, надо вписывать между строк или на полях.

Если оставить, как было, так и напечатают. Некоторых писателей уж очень жалко! Конечно, всех не перепишешь, но – пытаешься.

Кто же и как создает первоначальный текст? Этого я еще не поняла. Почти все они – очень милые; почти все – настороженно-обиженные. Это прискорбное качество способствует тому, что большое невежество пробуют погасить большими претензиями. Претензии приводят к достаточно печальным результатам: человек, не знающий что Неро – это Нерон, Фило – Филон, Дувр – Дувр (все примеры из жизни), берется не за чтиво для лотков, а за любой, просто любой текст – религиозный, философский, сложнейшего писателя. Текст требует огромного опыта, сомнений, самопроверок, тончайшего вслушивания – а его гонят на компьютере, часто даже не прочитав (тоже из жизни).

Прямые ошибки, все эти «голос черепахи» (*turtle* в данном случае «горлица»), «король Саул из Тарса» («Савл Тарсянин»), «у Нанка Димиттиса» (*Nunc Dimittis* – «ныне отпускаеши») – далеко не самое страшное. Ошибки есть у всех, пусть не такие дикие. Много десятилетий в прекрасных переводах мы читали о «кролике по-валлийски», думая, что это блюдо из кролика, а не гренки с сыром. Недавно я перевела *crêpe suzete* как «шелк», тогда как это «блинчик». Ничего хорошего здесь нет, проверять надо все, но нужен в этих случаях не переписчик, а обычный редактор.

Страшное начинается (да и кончается) в ткани текста, в его синтаксисе. Желая сделать текст живым, современным и т. п., уснащают его «крутыми» словами, и отсутствие слуха мгновенно мстит, поскольку даже в этом стиль не выдержан. Больше всего украшений – из лексикона контркультуры (который, как сказала бы Тэффи, уже «прошлогодний стиль нуво»), но есть и феня в прямом смысле слова, и говорок 50-х–60-х с отсылками к «Двенадцати стульям», и что угодно. А фраза висит, она несоразмерно длинна, в ней есть пассивы, цепочки родительных падежей, глаголы-связки, все признаки канцелярита, и венец его – комки отглагольных имен. Сюда уже никакой сленг ни живости, ни блеска привнести не может.

Перевод – профессия, которой долго и тяжело учатся, почищая слух, ставя голос или, если хотите, разрабатывая руку. Переводчика можно сравнить не только с певцом или пиани-

---

¹ Впервые эссе было опубликовано: «Страницы: богословие, культура, образование», 3 (1998), стр. 624–625, затем: «Невидимая кошка», М., 2006, стр. 42–45.

нистом, но и с актером или с очень кропотливым реставратором. Ни у одного из этих людей при любом даровании искусство без ремесла не устоит.

Диапазон этого ремесла располагался между очень вольным пересказом и подстрочником (как труд Кирилла и Мефодия), авторство же особой значимости не имело. Когда-то люди помнили, что выпячивать себя неловко, стыдновато. Если кто-то и хотел, чтобы все его заметили, приходилось это скрывать или прикрывать. Даже пересказ часто не подписывали. Сейчас таких желаний не скрывают. Но, с другой стороны, и перевод уже той роли не играет (каждый может писать и читать что угодно), а заметных людей стало столько, что они как бы и незаметны.

Существует и более чистое побуждение – заработать на детей и зверей. Однако и это невозможно. Переводчики (как поэты в современных западных странах) должны иметь еще и другую профессию; я вот – переписчик для иностранных издательств. Могут спросить: значит, оттуда такие переводчики не уйдут? Да, наверное, но там часто и фамилий наших не пишут, а в русских издательствах скоро останутся только те, кто жить не может, если какой-то писатель не зазвучит по-русски. Но тут и темп работы иной, и вообще все. Издательства наши платят все меньше и все реже, становясь чем-то вроде хорошо оснащенного и безопасного самиздата.

«Малый остаток», то есть переводчики ради перевода, сохраняется, особенно здесь. Мы еще не отвыкли от своей особой роли – вроде миссионеров. Когда и кто отвыкнет, не знаю, но пока этого нет.

Часто говорят, что на Западе вообще нет таких миссионеров, и снова ошибаются. Один из них – Дороти Сэйерс, последние 13 лет своей жизни (с 1944-го по 1957-й) переводившая Данте, чтобы англичане прочитали «Божественную комедию» не только со всей ее мудростью, но и со всей смиренностью, со всем юмором. Глубоко почитая Дороти Сэйерс, закончу свою заметку ее словами о ремесле: *«Вспомним, что средневековая гильдия подчеркивала не только долг хозяина по отношению к работнику, но и долг работника по отношению к работе».*

Королевский злодей²

Недавно я написала, что перевод умирает, но вскоре одумалась. Скорее он сохраняется на крохотном островке, а может ли и должен ли распространиться, не знает никто. Сейчас вокруг него резво бурлит море плохого, непрофессионального, массового перевода.

Наверное, вы помните присказку: «На скрипке играешь?» – «Не знаю, не пробовал». Конечно, подобие не полное; человек, никогда не переводивший, может перевести блестяще – но только в том случае, если он хорошо пишет на своем языке. Правило это действует в одну сторону. Люди, неплохо пишущие, иногда переводят ужасно, их держит буква оригинала. И другое: как любой мастер, ремесленник, на одном вдохновении переводчик не продержится.

Всякому ясно, что неуклюжая речь мучительна, она мешает и раздражает, даже если читающий не понял, в чем дело. Не стоит говорить и о том, что проповедь или что-то ей подобное такая речь гасит напрочь. А вот несомненно стоит – об особом сходстве переводческого ремесла с «духовным деланием».

Перевод труден, просто физически тяжок. Перевод требует редкой собранности и отрешенности, а за некупленные взлеты жестко мстит. Перевод – борьба с энтропией, круг по лицу бездны. Перевод предельно смиренен; если мы сами не распыхтимся, он не превозносится и не ищет своего. Наконец, перевод сочетает полное подчинение с полной, летящей свободой. Он – как хождение по канату, достаточно узкому пути.

Один литовский священник говорил, что Евангелие не принимают впрямую, потому что это «накладно». Накладно и всерьез переводить, то есть – начать, решиться, дальше, кроме трудов, будет несравненная радость. Как и с Евангелием, в крохотном подобии, люди честно не знают, что надо идти путем зерна. Что там, сел – и чеши! Получается текст, неприятный, как поддельная вера. Никакие сердца он жечь не может.

Свойства его назвать нетрудно. Если мы переводим с европейских языков, появятся скопления отглагольных имен, пассивы, связки, цепочки родительных падежей. Не будет воздуха русской фразы – личной формы глагола, но переводчик об этом не знает.

Узнать он может, этому учат. Проверив слух, читают лекции, которые мы в библейско-богословском институте называли апофатическими – *как не надо*. Это – предел, закон. Перевод живет благодатью – ритм, например, просто слышишь – но есть сетка, ниже которой падать нельзя. Если привыкнуть к ней или хотя бы помнить о ней, статьи переводить можно.

Теперь – самое важное. Относить это надо *к себе*. Вот притча, рассказанная Промыслом. Один человек просто пылал, возмущаясь чужим переводом. Спорили, призывали к милости – ничего! Тут его собственный перевод попал к редактору, и тот с удивлением увидел слова «королевский злодей Лоурдес». Значило это вот что: перечисляя чудесные исцеления, автор вспомнил «королевскую болезнь», золотуху, которую лечили наложением рук, и Лурд («king's evil, Lourdes»). Презрев запятую и смысл, переводчик написал про злодея.

Нет, дело не в ошибке, они бывают у всех. Слова легко заменить, дыхание текста – в синтаксисе, а человек нелеп и слаб. Но помни хотя бы, что сам ни от чего не застрахован! Прежде, чем начнешь негодовать, оглянись на себя.

---

² Впервые эссе было опубликовано: «Страницы», 3 (1998), стр. 625–626, затем: «Невидимая кошка», стр. 45–47.

Только детские книги³

Недавно в одном журнале печатались интервью, и среди вопросов были и «лучший писатель», и «незаслуженно прославленный». Лучшими оказывались исключительно те, от которых становится хуже. Незаслуженно прославленными, чаще всего – те, кто писал в манере XIX века. Прочитав все это, я вспомнила две притчи, конечно – происшедшие на самом деле.

Студенткой я мгновенно заболела от Мопассана, и один старый филолог объяснил это тем, что у него нет неба, мир как бы под тяжелой крышкой. Стоит ли говорить, что у Пушкина, Шекспира, Толстого гораздо больше ужасов, чем у него, – а крышки нет?

Лет на двадцать позже один человек сказал жене, что если бы ее няня училась в университете, их литературные вкусы были бы уж совсем одинаковыми. Действительно, няня, скажем, не читала «Романа о розе» или Данте, Чосера, Спенсера, но они бы ей понравились. Вероятно, она бы не прочитала, даже в переводе, Торнтон Уайлдера или Чарльза Уильямса, тем более – *Cocktail Party*. Но охотно бы послушала и очень радовалась бы, если бы ей их рассказали.

Только я все это подумала, одна моя родственница, прочитав те же интервью, спросила себя, меня и ангелов: «Неужели они никогда не читают, обняв любимую кошку?» Вообще, в детских позициях, скажем – за едой, можно ли читать тех, кого называли? Я бы не стала.

Но не в том суть. Наши души оставляют желать лучшего. Писатели вроде Драйзера камнем тянут их вниз, писатели типа Борхеса – раскорячивают, перебалтывают, да просто получается заворот души. Каким же смелым надо быть, чтобы не только читать их, но еще ими зачитываться!

Конечно, люди моего поколения, да и помоложе немедленно припомнят жуткие разговоры фашистского и большевистского рода – «здоровая» литература или «нездоровая». Но фашизм (во всех его видах, от франкизма до чисто бесовского нацизма) и большевизм, особенно переродившийся, имперский – антихристово добро в чистом виде. Как-то оно с христианским добром соотносится. Да нет, не «как-то»: к вполне резонным мыслям о здоровье души оно прибавляет вмешательство, жестокость, беспощадность – а тогда *ничто* не устоит, все станет беспримесным злом.

Ничего нельзя запрещать, но можно свидетельствовать, беря всю тяжесть на себя. Скажу еще, что здесь есть и Харибда – суррогаты «детских книг», но признаки у нее те же, что у Сциллы, обычные признаки зла – жестокость и фальшь.

Книги, которым радовалась бы няня, нельзя навязывать. Мало людей, которые хотят именно этого; если же они попадутся другим, те мгновенно уподобят Харибде что угодно (не это ли произошло с Льюисом?).

Но проповедовать – можно, взывать – можно, кто-то да услышит, и ему будет лучше.

Хорошо, услышит – и кого же он будет читать? Может ли взрослый человек радоваться Дороти Сэйерс, Честертону или даже Элиоту, когда тот проговорится, и окажется не грозно-высоколобым, а Бог знает каким? Остановлю себя, чтобы не угодить в порочный круг: пока «взрослый» – не может, именно эти книги могли бы его пробить, но... и так далее. Тайны обращения мы толком не знаем. У Льюиса – мегафон боли, у Честертон – мегафон радости, но Бог так деликатен, что мегафоном вряд ли пользуется. Отойдем от этой тайны, вернемся к книгам.

---

³ Впервые эссе было опубликовано: «Страницы», 3 (1998), стр. 624–625, затем: «Невидимая кошка», стр. 42–45.

Та самая няня, о которой шла речь, делила людей на «тихих» и «важных»⁴. Честертон и Дороти Сэйерс несомненно оказались бы тихими, хотя ели, выпивали, толстели, очень много смеялись, а Дороти даже трогательно хулиганила. Что ж, мы, как льюисовский паломник, вернулись к тому, что могли бы просто увидеть в Евангелии, там такое деление – по всей книге. Мракобесам это и положено: у нормальных людей – Борхес и Кортасар, а у нас – для слабоумных. Но нет! Возникли невероятно мучительные гибриды. Слава Богу, умные *high-brow*, скептические, невредные – их не пишут и не любят. Но сейчас очень много церковного народа, который служит этому господину с большим усердием. Уж лучше любили бы стихи Соловьева (не прозу, а стихи, все-таки, мягко выражаясь – слабые). Да нет, что я! Ударятся как следует в духовность, все примут, и эти стихи, и диких гибридов.

А вообще-то, слава Богу, что Честертон или Дороти Сэйерс не могут пойти в стебель! Так гнали и пророков, так гнали пророков, так смеются над детьми.

---

⁴ Еще на «тихих» и бойких, но это к делу не относится.

Глава II Честертон и другие

Неизвестный Честертон⁵

Англичане и американцы уже около десяти лет издают собрание сочинений Честертон. Вообще это у них не принято, такие многотомники дорого обходятся и плохо раскупаются. Мало того, когда издание начиналось, Честертон то ли терял, то ли давно потерял популярность. Перепечатывались его детективные рассказы, главным образом, про отца Брауна, и «Человек, который был Четвергом», все – маленькими книжками в мягких обложках. Однако несколько человек решились на совершенно дикое предприятие, даже не зная заранее, сколько у них выйдет томов. Это и сейчас не совсем ясно, а вот интерес к Честертону за прошедшие годы вырос.

Честертон говорил чистую правду – он действительно относился всерьез не к себе, а только к тому, во что верил. С редким для писателя смирением, – не в сусальном, а в истинном значении этого слова, – он не заводил архивов и не трясся над рукописями. Однако в Божий замысел, видимо, такие потери не входили – мать, жена и секретарша с детства до самой смерти подбирали выброшенные им бумажки и альбомы. Кто-то из них сложил в сундук множество книжечек, исписанных вкривь и вкось и копившихся с конца 80-х годов XIX века до 1936 года, и прикрыл докторскими мантиями, которые Честертон вместе со степенью получал *honoris causa* в нескольких университетах. Жена ненадолго пережила его, а секретарша, Дороти Коллинс, которую бездетные Честертон считали приемной дочерью, так и осталась в их доме неподалеку от Лондона на 53 года. То ли она забыла про эти книжки, то ли не сумела их разобрать, но ученые добрались до них еще через несколько лет, когда архив претерпел ряд приключений и оказался в Оксфорде.

Теперь вокруг него сложился институт, уместающийся в одной комнате, плюс комнаты и столы всех тех, кто занимается Честертон. Англо-американское собрание складывается из того, что печаталось (тоже немало), того, что содержится в бумагах и книжечках, и, наконец, того, что ученым удается разыскать в старых журналах. Так набралось больше пяти тысяч эссе. Открыты неизвестные стихи (их выпустил и прокомментировал пылко преданный Честертону Эйдан Мэки, которому уже лет восемьдесят). Толстый том неизвестных рассказов и сказок (800 страниц) собрал и издал американец Денис Конлон.

Законченного там мало – шесть сказок, девять рассказов и несколько крохотных притч, которые, собственно говоря, вполне известны, но могли не восприниматься как рассказы, потому что напечатаны в сборнике эссе «Потрясающие пустяки» (1909). Некоторые из них ходили у нее в Самиздате, а позже были напечатаны: «Любитель Диккенса», «Лавка призраков», «Современный Скрудж» и «Как я нашел сверхчеловека» (остается два, всего их шесть). Скажем сразу, что эти рассказы и много другое уже переведено, частично напечатано в журналах и готовится к изданию в трех издательствах.

Сказки – разные, лучше всего – «Вечерняя звезда», написанная в шестнадцать лет, и «Разноцветные страны» (1912), напечатанные много позже. Там в очень большой мере проявилась его мистика цвета; «Страны» даже показывают нам место, откуда Бог берет свои краски. Может ли ребенок так зачерстветь, чтобы спокойно это вынести?

---

⁵ Впервые эссе было опубликовано: «Страницы», 5 (2000), стр. 605–608.

Законченных рассказов тоже немного для такой толстой книги; большей частью это – детективы, два – об отце Брауне. Они далеко не лучшие, а на втором («Маска Мидаса»), написанном в год смерти, была пометка Дороти Коллинс «Не печатать». Но, как обычно у Честертона, некоторая бессвязность или прямые несообразности искупаются двумя-тремя мудрыми и неожиданными фразами кроткого священника. В других детективах таких фраз меньше – кроме «Дымного сада» (1919), который можно прочесть в журнале «Истина и Жизнь» (2000, № 9). В нем поражает странность, густота атмосферы, очень уместная в рассказе о наркоманах, и несколько не только мудрых, но и – даже для Честертон – исключительно милостивых фраз.

Выделяются из рассказов два – ненапечатанный раньше «Обращение анархиста» (1919) и затерявшийся в американском альманахе «Конец премудрости» (1930), помещенный теперь в предыдущем номере «Страниц». Это не детективы, а если назвать их притчами, придется искать другое определение для «Скруджа» и ему подобных. Во всяком случае, оба они на Честертон не совсем похожи. Оба скорее печальные, очень уж горько смотрит он на мир, конечно – не на созданный Богом мир красок, зверей, растений, а на человеческий «базар суеты». Действие и происходит в соответствующих местах – в снобском клубе, на деловой конференции. Правда, в «Конец премудрости», который и длиннее, и вообще гораздо лучше, есть место, достойное «Четверга» или «Перелетного кабака» и очень похожее на начало «Живчеловека», – сцена, где героиня вешает белье. Тут же, кстати, можно еще раз убедиться в том, что Честертон очень похож на мудреца из дзенской притчи, который так хорошо знает лошадей, что называет белого коня черной кобылой. Трудно себе представить, чтобы девушка, читающая Клоделя, у которой родные – высоколобые адепты эзотерических религий или хотя бы богемно-светские существа, сама сушила белье. Может быть, ему смутно мерещилось что-то вроде «Золушки», а может – просто нужно было описать яркие, пляшущие на ветру платья и блузы; и, честное слово, если специально не напомнить, нам тоже будет не до того. Честертон знал про слепые пятна восприятия (см. хотя бы «Невидимку» или «Преступление Гэхегена»), но мог о них не вспомнить, механически ими воспользоваться.

Оба рассказа потребовали объяснительных статей – не потому, что реалии устарели, а потому, что многое в них слишком актуально. Молодой английский богослов Джон Сауард, выпустивший в 1999 г. замечательную книгу «Путь агнца», где, среди прочего, много сказано о Честертоне, заметил, что Честертон с ходом лет становится моложе. И впрямь, уже казалось лет десять назад, что мы – внутри его романа, а сейчас кажется, что эти два рассказа написаны именно теперь. Честертон, который умел удержаться «на осторожном царском пути», здесь почти пристрастен. И снобы в «Анархисте», и дельцы в «Премудрости» – почти нелюди. Вспомним, как сумел он пожалеть Грегори в «Четверге» или Айвивуда в «Кабаке»; а напыщенных дураков он всегда жалеет. Такой скорбной ненависти молодой Честертон не знал. Самые страшные персонажи из ранних рассказов – скажем, Калон из «Ока Аполлона» – хотя бы одиночки, а тут страшна среда, людей он в ней почти не различает. Может быть, потому он и не включил этих рассказов в сборники? Собственно, печатая неизданное, мы даже не знаем, сколько раз идем наперекор его духовному чутью.

Рассказы «старого Честертон» (хотя в 1919 году ему было сорок пять (!) лет, для него уже началась старость, со смерти брата); так вот, эти рассказы промыслительно уравниваются неоконченными повестями Честертон молодого. Известно, что все 90-е годы он много писал, и большая часть сохранилась. Чего там только нет! Первые главы исторических повестей, наброски фантазмагорий, первые подступы к «Клубу удивительных промыслов», «Живчеловеку» и «Четвергу». Одно – хуже, другое – лучше, а совершенно прелестны (на мой взгляд) неоконченные повести «Человеческий клуб» и «Вино Каны Галилейской». Это (особенно «Кана») – какие-то зачарованные сады, где бродят и рассуждают смешные, умные

юноши, романтически поклоняющиеся смешным и прекрасным девушкам. Собственно, так оно и было – друзья по школе св. Павла, легендарный Бедфорд-парк, молодой Йейтс, его сестры Лили и Лолли, другие барышни, сочетавшие викторианскую тонкость с какими-то детскими попытками эмансипации, а главное – она, Франсис, которую он полюбил мгновенно и на всю жизнь. Казалось бы, неоконченное переводить странно, но здесь ничего сделать не могу – перевела и печатаю.

Легко сказать, печатаю – но не я же сама! Честертон все время просят. Смотрите, только за два года выпущены пятитомник и несколько книжечек, вот-вот выходит толстый трехтомник, опять несколько сборников и два «Неизвестных Честертона», не совпадающих по составу.

Почему он понадобился больше, чем у себя, в Англии, хотя и там (и в Америке) интерес к нему явно возрос? Заметим, что, начиная с 1985 года, у нас был сборник эссе, трехтомник, пятитомник и книжечки; и ничего – снова просят. Никакого давления сверху теперь нет, да и только в честертоновской фантазмагии могли бы «внедрять» такого писателя. Сама я, Бог свидетель, никак не протаскиваю его. Издательства чутки, рынок – не сентиментален. Остается предположить, что, с одной стороны, это – промыслительно, а с другой (такая синергия) – у нас тоже есть нюх, мы ищем целебную травку.

Назидательное всезнание свое отслужило, это ясно. Предполагается, что противовес ему, вызов важности и глупости – непристойность и жестокость, от кича до самой высоколбой литературы. У всезнания был мнимый золотой запас – как же, иначе будет зло! У этих тоже он есть – как же, иначе будет неправда и несвобода! Свобода – ценность великая, и тут предоставим все Промыслу, а насчет правды – дело проще: это – не правда, а очередной миф, «игра на понижение». Жизнь не состоит из похабства и садизма, а если у кого состоит, лучше бы ему пробкой выскочить вверх из такого слоя.

Оговорив, что «Ада» и «Улисс», которых сама я читать не могу – несомненная классика, приведу снова (кажется, в третий раз) такие стихи Кибирова:

*Только детские книжки читать!
Нет, буквально – не «Аду» с «Улиссом»,
А, к примеру, «Волшебную зиму в Муми-доле»...
А если б еще и писать!*

Вон как кинулись люди к «Гарри Поттеру». А Честертон, даже поздний, печальный, писал именно «Зиму в Муми-доле». Наверное, мы стосковались по таким книгам.

О Малькольме Маггридже (1903–1990)⁶

Совсем недавно, слава богу, кончился XX век. Мы хорошо знаем, что с течением лет добро и зло сгущаются, но не только абберрация близости подсказывает нам, что зло как-то уж слишком сгустилось. Все-таки, в этот век уложились бесовские режимы в трех больших странах (третья – Китай), не говоря уж о странах небольших и о режимах крайне сомнительных. Что до естественных плодов свободы, уже на уровне отдельных людей, этому нет конца; и многим кажется, что утопия порядка все-таки получше – не краткостью своей (как видим, они разрушались сравнительно быстро), а по самой сути. Такая ностальгия, мягко говоря, огорчает, особенно тех, кто успел в этих утопиях пожить.

Поэтому нужно вспомнить людей, которые *действительно* убереглись и от Сциллы, многорукого чудища, пожиравшего людей, и от Харибды, водоворота, людей затягивающего. Их, как и следовало ожидать, очень мало. Ведь самое простое – лечить одним злом другое, а не сочетать виды добра, которые кажутся несочетаемыми.

Таким был Честертон. Если его причислят к лику блаженных, о чем давно идет речь, то ему подходит роль покровителя этих людей. Казалось бы, он рожден быть патроном журналистов – но первое важнее. А кроме того, патроном журналистом может быть и Малькольм Маггридж. Он тоже встал против обеих утопий, но, в отличие от Честертонна, довольно поздно, после долгих и разных заблуждений.

---

⁶ Публичная лекция в ББИ 14 марта 2002 г.; «Страницы», 7 (2002), стр. 596–601; «Невидимая кошка», стр. 106–114.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.